

Георгий Чулков. Memento mori

Там стыдно будет унывать
И предаваться грусти праздной,
Где пахарь любит сокращать
Напевом труд однообразный.

Некрасов

Александр Блок в докладе своем "Интеллигенция и народ", прочитанном сначала в "Религиозно философском обществе", а потом в "Литературном", раскрывает рознь между двумя на чалами современной русской жизни и делает мрачные предсказания: на культурных людей надвигается "грудь коренника" той бешеной тройки, которая мчится из глубины наших диких полей. Поэт, по видимому, предчувствует, что правда, живая и стихийная, на стороне народа, но он отказывается делать какие либо определенные выводы из этого утверждения и ограничивается тремя вопросами: во-первых, переходима ли черта между интеллигенцией и народом? во вторых, если нет, остается ли какое-нибудь спасение для культуры, кроме Победоносцевской инерции? и, в третьих, если да, то как найти пути к народному сердцу?

С историко-социологической точки зрения я не стану рассматривать доклад Блока: жизнь слишком усложнилась, многообразные культурные течения и грубые материальные интересы давно уже раздробили страну на определенные классы и группы, и нет возможности отвлеченно рассуждать по поводу такой произвольной границы, которую проводит Александр Блок.

Но с иной жизненно практической точки зрения рассуждать о докладе Блока возможно и должно.

Впрочем, возражая своим оппонентам, Александр Блок сделал одну уступку, которая отчасти изменяет самую постановку темы об интеллигенции и народе; Блок признал, что рознь существует не между всей интеллигенцией и народом, а лишь между известной "частью" интеллигенции и той стихийной Русью,

Где все пути и все распутья
Живой клюкой измождены,
И вихрь, свистящий в голых прутьях,
Поет преданья старины ...

Такая постановка темы изменяет в известной мере и ее сущность, потому что часть интеллигенции, конечно, не связана с той Русью, которая "и во сне необычайна", - но возможно ли утверждать *pars pro toto*?

Блок по праву мог бы сказать про себя:

И сам не понял, не измерил,
Кому я песни посвятил ...

Воистину интеллигенцию нашу нельзя мерить той мерою, которую приложил к ней поэт. "Я, - говорит Блок, - как интеллигент, влюблен в индивидуализм, эстетику и отчаяние". Какое чудовищное непонимание духа нашей интеллигенции!

Неужели не ясно, что все три темы, влюбившие в себя поэта, - "индивидуализм, эстетика и отчаяние" - все эти темы являются предметом ненависти нашего интеллигента? Неужели Блок не понимает, что влюбленность в эти темы есть крайнее декадентство? И неужели не очевидно, что декадентство полярно по отношению к интеллигенции? Интеллигенция, со времен Белинского утверждавшая идею общественности и народолюбия, со времен Писарева провозгласившая парадоксальное "разрушение эстетики" и, наконец, в лице своих революционеров, объявившая войну апатии и косному отчаянию, - что общего имеет эта интеллигенция с тем орхидейным интеллигентом, который расцветает в декадентской оранжерее?

Образ двойника заслонил Блоку образ интеллигенции, и печать смерти на лице этого двойника Блок принял за печальный знак гибели всего нашего общества. Но напрасно Блок волнуется за судьбу всех этих юношей и девушек, которые рассеяны теперь среди народа - всех этих учителей, врачей, статистиков, газетных работников, пропагандистов, агитаторов, - все они **органически** связаны с народом. Они умеют и жить с народом и умирать за